

ЛАВКА НЕВОЗМОЖНЫХ ЖЕЛАНИЙ

ГОРОД, ГДЕ СБЫВАЮТСЯ СЕРДЦА

АЛЁНА СЕВЕРИНА

Алёна Северина

Город, где сбываются сердца

<https://litres.ru/74670573>

SelfPub; 2026

Аннотация

Старая система исполнения желаний остановлена, но Сольвинску предстоит решить, что придёт ей на смену. Каждому хочется чуда, однако никто не хочет снова платить чужими чувствами. Ася Берестова и Даниил Вельский собирают жителей, раскрывают последнюю страницу книги Аглаи и строят лавку, которая не обещает невозможного, а помогает людям находить собственные решения. Заключительный роман о выборе, доверии и любви без магических обязательств.

Алёна Северина

Город, где сбываются сердца

Глава 1. Последняя страница

Год спустя после отмены сбора невысказанных желаний в Сольвинске научились продавать совершенно обычные вещи под видом чудес. На улице Медников открыли кондитерскую «Сбывается», где за право загадать желание над пирожным брали дополнительно двадцать рублей. В сувенирной лавке напротив продавались медные колокольчики, якобы отпугивающие дурные решения. А на дверях настоящей Лавки невозможных желаний по-прежнему висела написанная от руки табличка: «Мы показываем возможности. Вы сами выбираете, что с ними делать».

Ася Берестова вымыла кисточку, отжала её о старую тряпку и отступила от витража. Восемь секторов отбрасывали на пол цветные треугольники — янтарный, изумрудный, синий, малиновый, два дымчатых и два почти прозрачных. Трещина над дубовым прилавком исчезла после вчерашней реставрации. Глеб обещал, что новая оправа прослужит долго, если очередной инспектор не попытается установить туда измеритель бесхозного согласия.

— У тебя торчит прядь, — заметила Тася, появившись с

двумя стаканами кофе.

— Это мой новый профессиональный стиль. Художница, которая слишком близко наклоняется над стеклом.

— Тогда он тебе идёт. Только по вечерам ты всё ещё слишком близко наклоняешься над бухгалтерией.

Тася поставила кофе, сняла с руки перчатку для работы с цветами и оглядела лавку. Здесь почти ничего не изменилось: большой дубовый прилавок, зелёная книга, железная печь, столик для клиентов, на нижней полке чёрно-белый Барс, который не признавал никакого графика, кроме кормления. Но исчезла теснота, с которой Ася начала эту работу. Теперь на стене висели расписания двух помощников и часы приёма независимого юриста. Клиенты могли прийти даже тогда, когда Ася болела или хотела провести вечер с Даниилом.

За прошедший год это оказалось самым важным её приобретением: не возможность исполнить чью-то мечту, а право однажды не открыть дверь.

— Аглая звонила, — сказала Тася. — Просила тебя приехать после обеда. Говорит, нашла последнюю страницу зелёной книги.

Ася замерла с чашкой в руке.

— Она же уверяла, что последние страницы пустые.

— Так она и сказала. Только сейчас уточнила: пустые не значит ненужные.

Аглая вернулась в Сольвинск почти год назад, после то-

го как удалось закрыть принудительный сбор. Она не стала снова хозяйкой лавки, не потребовала вернуть прилавок и не попыталась объяснить прошлое одной большой тайной. Поселилась в небольшом доме над портовой лестницей, выращивала пряные травы и два раза в неделю помогала проверять старые книги. Седые волосы собирала простым гребнем. Плохая нога заставляла её останавливаться на каждом третьем пролёте лестницы, и она сердито отказывалась, когда Ася предлагала перенести встречи на первый этаж.

— Старость, — говорила Аглая, — не неисправность механизма, которую надо исправить без согласования с владельцем.

Теперь же она впервые попросила приехать срочно.

* * *

Дом тёти пах сушёной мятой и обожжённым сахаром. На кухонном окне стояли банки с семенами, возле печки дремал старый рыжий кот соседей. Аглая сидела за столом с той же зелёной книгой, только без обложки. Переплёт был разобран на отдельные тетради, между нитями виднелся узкий карман.

— Сначала позавтракай, — сказала она вместо приветствия.

— Я уже ела.

— Тогда выпей чай. Мне нужно рассказать длинную вещь, а ты обычно начинаешь спорить на третьем предложении.

Ася села, вынула из сумки блокнот и улыбнулась.

— Можешь начинать.

Аглая достала из кармана лист плотной, удивительно белой бумаги. На одной стороне была нарисована лавка с открытой дверью. На другой — восемь кругов, соединённых не линиями, а небольшими пустыми промежутками. Внизу стояла надпись её рукой: «Последняя страница не закрывает желания. Она закрывает право считать их чужой собственностью».

— Это я написала после того, как впервые поняла, что Палата использует книгу как счётчик, — сказала Аглая. — Но тогда не знала, как остановить весь механизм. Если бы просто сожгла книгу, исчезли бы доказательства незаконных сделок. Если оставила бы её в Палате, они продолжили бы считать молчание подписью.

— Поэтому ушла за запечатанную дверь, удерживая архив?

— Да. Это было моё решение. Не единственно правильное. И точно не подвиг, который все обязаны повторять.

Аглая перевернула лист. Там обнаружилась маленькая тиснёная метка — четыре переплетённых оконных рамы.

— Печать первого соглашения городских мастерских. До появления Палаты лавки хранили документы друг у друга, чтобы один пожар или одно злонамеренное решение не могли уничтожить чужое право. Каждый мастер знал, где лежит копия, но никто не владел человеком, о котором она рассказывала.

Ася подумала о новом уставе добровольной магии, который город обсуждал уже десять месяцев. Совет сформировал комиссию, спорил о финансировании независимого архива, принимал поправки. От открытых заседаний у некоторых жителей появилась усталость. Они хотели простого решения, а не очередной книги правил. Именно в эту усталость теперь охотно вкладывались люди, обещавшие окончательно разобраться с магией за один вечер.

— Зачем эта страница нам сейчас? — спросила Ася.

— Потому что завтра совет рассматривает два проекта. Один сохраняет Палату в прежнем виде, только назначает честного председателя. Второй предлагает закрыть все лавки и передать добровольные записи в единый городской реестр. И у обоих один недостаток.

— Один орган сможет распоряжаться всей памятью о договорах.

Аглая кивнула.

— Ты уже поняла то, на что у меня ушла жизнь. Теперь нужно доказать людям, что альтернатива вообще существовала.

Ася изучила бумагу. На обратной стороне стояли фамилии четырёх первых мастериц, две из которых ей были неизвестны. Рядом — даты местных бурь и отметки о передаче копий. Бумага не выглядела волшебной. Она не светилась, не показывала будущего. Именно это делало её важной.

— Кто ещё знает об этом?

— Глеб видел старую раму. Кирилл Воронцов когда-то держал оригинальное соглашение в руках. И, возможно, инженер по городским часам, потому что один архив располагался внутри ратуши.

— Значит, нужны свидетели и независимая проверка, — сказала Ася.

— Вот теперь можешь спорить, — улыбнулась Аглая.

* * *

Даниил встретил Асю возле ратуши. Он больше не работал обычным инспектором Палаты: после разбирательства по делу старого сбора перешёл в городскую службу независимой проверки договоров. Его новое удостоверение было непривычно простым — фамилия, должность и срок полномочий. Никаких эмблем, которые могли бы заставить человека подчиниться только потому, что их вытиснили на металле.

— Ты опять принесла мне бумагу, которая изменит городской совет? — спросил он.

— Не обязательно. Возможно, наоборот, заставит совет медленнее менять жизнь людей.

Они остановились у киоска с кофе. Продавщица помнила, что Ася любит корицу и лимон, а Даниил пьёт без сахара. Когда она поставила два стакана на стойку, он заплатил и не стал превращать заботу в спор о самостоятельности.

— Сегодня вечером у Милы открытие выставки звуковых работ, — напомнил он. — Мы обещали прийти.

— Помню. Не хочу её подвести.

— Ты говоришь это каждый раз, когда появляется документ.

Ася улыбнулась виновато.

— Но сегодня приду. Если совет объявит войну всем лавкам, хотя бы не стану помогать ему весь вечер.

Даниил взял лист Аглаи и долго его рассматривал.

— Такая печать была на одном из старых актов моего отца, — сказал он. — До учреждения Палаты семейная контора Вельских обслуживала передачу копий между лавками. Я считал, что там только земельные документы.

Ася помнила, как трудно им далось признание о причастности семьи Вельских к старым схемам. Ссориться было бы легко; поверить словам без проверки — тоже. Теперь у них существовал третий путь.

— Скажешь, где лежат записи? — спросила она.

— Да. Но я хочу, чтобы запрос оформил не я. Моя семья заинтересована в исходе. Пусть независимая комиссия проверит происхождение документов.

Она коснулась его руки.

— Это разумно.

— Я учусь у человека, который спорит даже с собственным витражом.

Они перешли площадь. На часах ратуши было десять минут одиннадцатого, хотя колокол пробил ровно десять. Даниил заметил расхождение и записал его на обороте чека.

— Ты хочешь проверить часы? — спросила Ася.

— Нет. Просто привык замечать, когда прибор утверждает что-то слишком уверенно.

В этом они всё ещё были похожи.

* * *

Вечером выставка Милы Вельской открылась в бывшем рыбном складе, который теперь служил общественной мастерской. Из-за высокого потолка звуки отражались странно: шаги становились длиннее, шёпот приходил с опозданием, вода в жестяной чаше звучала почти как колокол. Мила сама придумала маршрут для посетителей. Они могли пройти его с закрытыми глазами, посмотреть визуальные изображения звуков или просто сидеть на скамье и слушать.

После старого заклинания слух Милы не вернулся полностью. У неё оставались участки частот, которые она почти не различала. Но она научилась работать с вибрацией, видеть звуковой рисунок и просить коллег описывать то, чего не слышит сама. Её новая работа называлась «Невыбранная тишина».

Ася слушала низкую ноту, передававшуюся через деревянные перила. Рядом стояла мать маленького мальчика и подсказывала сыну, куда положить ладонь. Тот засмеялся, когда почувствовал вибрацию.

— Это словно музыка в костях, — сказал он.

— В этом и была идея, — ответила Мила. — У каждого может быть свой путь к одному произведению.

Даниил смотрел на сестру с гордостью, которую старался не делать слишком заметной. Она раздражалась, когда её представляли как человека, «победившего болезнь музыкой». Мила не победила свой слух. Она построила работу вокруг настоящего опыта, включая его ограничения.

После открытия Кирилл Воронцов подошёл к ним у выхода. Он выглядел старше, чем год назад. От прежней гладкой уверенности осталась безукоризненно завязанная тёмная шаль и привычка выбирать слова.

— Поздравьте Милу, — сказал он. — У неё получилось важное произведение.

— Вы можете сказать ей сами, — ответил Даниил.

Кирилл не решился пройти в зал.

— У меня завтра слушание в комиссии. Я знаю, что вы принесли новые сведения о первоначальном соглашении лавок. Хотел попросить не объявлять его тайным доказательством, пока не проверите. Я могу объяснить, что произошло после принятия первого устава.

Ася посмотрела на него.

— Вы можете дать показания публично.

— Дам. Только прошу понять: часть людей боялась тогда не потери власти, а настоящих бедствий.

— Страх объясняет решение, но не делает его чужим согласием, — сказал Даниил.

Кирилл кивнул. На этот раз не возразил.

Когда он ушёл, Ася заметила, что лист Аглаи в её сумке

чуть потеплел. Не засветился и не стал показывать видения. Бумага просто согрелась от ладони, которой она всё время проверяла, на месте ли она.

— Ты думаешь, всё закончится завтра? — спросил Даниил.

— Нет. Но, может быть, мы наконец начнём заключать договоры не о том, кто владеет надеждой, а о том, кто отвечает за конкретную работу.

Он посмотрел на неё долго.

— А мы с тобой? Наш договор о завтрашнем ужине ещё действует?

— Да. И никакая комиссия его не отменит без моего участия.

Они пошли к дому вместе. Над площадью светились окна ратуши, в лавках закрывали ставни, дети торопились домой с занятий. В этом городе слишком долго пытались сделать счастье расчётной единицей. Ася не знала, согласится ли совет завтра на новую систему, но впервые у неё появилась возможность показать, что другой порядок не придуман из воздуха. Он уже существовал, пока его не переписали.

В кармане куртки зазвенел телефон: Тася прислала фотографию Барса, уснувшего на стопке заявлений. Под ней стояло: «Единственный хранитель, которого я готова признать. Но только до ужина».

Ася рассмеялась. Даниил попросил показать снимок. Они прошли ещё квартал, обсуждая, как коту удалось пролезть

между бумагами, не уронив ни одного стакана.

Последняя страница зелёной книги ещё не была заполнена. Она ждала не волшебной команды, а множества человеческих решений.

Глава 2. Город на перекрёстке

В день открытого обсуждения нового устава в Сольвинске пошёл мокрый снег. К полудню он лежал на вывесках, ступенях ратуши и оранжевых крышах торгового квартала, а потом начал превращаться в холодную воду. Тася пришла на площадь с корзиной маленьких веточек розмарина и раздала их тем, кто стоял у дверей городского совета.

— Не магия, — предупредила она. — Просто пахнет лучше, чем мокрые вареники.

Ася рассмеялась, но смех быстро прошёл. К зданию тянулись люди, многие из которых были ей знакомы: владельцы лавок, покупатели, бывшие клиенты Палаты, торговцы с рынка. Некоторые держали самодельные плакаты «Верните желания хозяевам», другие — «Защитите город от опасных сделок». Между ними стояла пожилая женщина с табличкой «Не решайте за меня». Никто не мог уверенно сказать, к какой стороне её отнести.

Внутри зала разместили два больших стола, а третий оставили для письменных свидетельств тех, кто не хотел говорить публично. Незвестный чиновник принёс графин воды и поставил его рядом с бумагами, словно это могло примирить спорящих.

Председатель городской комиссии, врач по образованию по имени Евгения Карелина, открыла заседание без длинной речи.

— Сегодня мы не голосуем о том, хорошая магия или плохая, — сказала она. — Нам предстоит понять, кто вправе заключать договоры, как защищать клиентов от принуждения и что делать с архивом, который содержит чужие личные истории. Решение должно быть понятно тем, кто не владеет лавкой и никогда не видел волшебного стекла.

Ася почувствовала, что может дышать. В прежней Палате разговор обычно начинался с полномочий учреждения. Здесь впервые начали с людей.

Первой слово попросила хозяйка пекарни Зоя Брусничная. Её семья пережила тяжёлую зиму благодаря одной из магических лавок. Когда банк отказал в кредите на печь, стекло показало дорогу к старому мастеру, который умел чинить такие печи за половину цены. Зоя заключила понятную сделку и спасла дело. Теперь она боялась, что общественное управление убьёт маленькие мастерские проверками и бумажной работой.

— Я не хочу, чтобы в лавках работали только юристы, — сказала она. — Я хочу, чтобы настоящий мастер мог открыть дверь и помочь, не нанимая целую контору для одной консультации.

Следующим выступил Павел Корнеев, тот самый мастер по отоплению, которому стекло когда-то показало возмож-

ность поговорить с отцом. Они не стали близкими людьми. Иногда встречались, один раз вместе починили старый станок, затем вновь поссорились. Но Павел считал, что возможность поговорить была честной, потому что ему не обещали обязательного примирения.

— Мне помогли не волшебные фокусы, — сказал он. — Мне помогли понять, что я хочу и что могу сделать сам. Но если бы за это с меня требовали отдавать память о матери или право на дом, я бы ушёл. Нужны понятные правила, а не новая большая контора.

Представитель Союза хранителей документов возразил: без общей базы невозможно предотвращать повторные незаконные сделки. Один человек может попытаться заказать десять раз одну и ту же вещь, скрывая прежние обязательства. Данные, по его словам, должны находиться в центре, которому доверяют все.

— Мы уже слышали это, — тихо сказала Тася рядом с Асей.

— И всё же он прав насчёт проверки, — ответила Ася. — Не про владение данными, а про необходимость видеть повторные договоры.

Когда настала её очередь, она вышла к столу не с красивой речью, а с листом Аглаи. Показала фотографии старого соглашения четырёх мастерских и попросила независимого архивиста подтвердить происхождение бумаги. Он не назвал документ окончательным доказательством, но сообщил: со-

став волокон и чернила соответствуют периоду, указанному в старой описи. Подлинность подписей ещё проверялась.

— До появления Палаты существовала система, в которой мастерские сохраняли проверяемые копии договоров друг у друга, — сказала Ася. — Не передавали права на личность. Не превращали молчание в подпись. Мы не можем просто вернуться в прошлое: город стал больше, рисков больше, техника сложнее. Но у нас есть доказательство, что центральная монополия не была единственным возможным решением.

Из заднего ряда спросили, кто будет платить за три архива вместо одного. В другой стороне зала кто-то возразил, что маленькие мастерские не умеют защищать сведения от пожара и воров. Ася согласилась: это настоящие вопросы. Она предложила не раздавать копии всем желающим, а создать независимую службу проверки подлинности, в которой разные учреждения подтверждают документ, не получая права распоряжаться содержанием без согласия владельца.

— Сложно, — сказала пожилая женщина с табличкой.

— Да, — ответила Ася. — Поэтому мы должны объяснить каждую сложность и не прятать её за словом «магия».

* * *

После первого перерыва к ней подошла Лиза Протасова. Она принесла старую фотографию матери, ту самую, которую почти год не решалась вставить в семейный альбом. Рядом стоял брат Егор с блокнотом, полным заметок о восста-

новлении магнитофонных лент.

— Мы хотели прийти вместе, — сказала Лиза. — Не чтобы рассказывать грустную историю ради голосования. А чтобы спросить, кто будет отвечать, если архив пообещает человеку вернуть то, чего на самом деле нет.

Они восстановили часть записи матери обычным способом. Слова остались хриплыми, некоторые фрагменты пропали навсегда. Лиза уже научилась слушать эти три минуты без отчаянной надежды получить всю жизнь обратно. Теперь она боялась, что новая общественная служба станет обещать людям совершенство там, где возможны только честные копии.

Ася предложила ей выступить самой. Лиза согласилась, но попросила не показывать фотографию крупным планом. На заседании она сказала:

— Не продавайте нам обещание, что ничто не потеряется. Скажите, что вы сохранили, что ещё можно проверить и сколько стоит работа. Мы сами решим, согласны ли платить за попытку.

Эти слова вызвали больше внимания, чем любое рассуждение об архивах. Даже оппоненты Аси записали их в свои блокноты.

Даниил тем временем разговаривал с представителями городского финансового управления. В старых отчётах оставались большие суммы невозвращённых начислений. После отмены незаконного сбора пострадавшие получили право

предъявлять претензии, но часть должников уже не существовала, а деньги потратили на общественные службы. Финансисты хотели понять, не станет ли новое соглашение обещанием немедленно выплатить всем сумму, которой нет.

— Новый устав не должен списывать старый долг, — сказал Даниил. — Но не должен и обещать магическое погашение. Нужен отдельный порядок: подтвердить требования, найти виновных получателей, назначить реальные источники выплат и публиковать отчёт.

Старый чиновник поморщился.

— Вы превращаете чудо в судебную практику.

— Когда чудом называли чужие деньги, иначе не получится.

Тот не ответил, но попросил прислать расчёты.

* * *

Во второй половине дня спор обострился. Молодой предприниматель Арсений Климов объявил, что создал частную сеть «Свободные желания»: в ней любой желающий сможет загрузить свою историю в общий реестр без посредников и ждать помощи добровольцев. Звучало привлекательно, пока юрист не спросил, кто владеет загруженными сведениями и может ли человек удалить их полностью.

— Нельзя удалить то, что уже кому-то помогло, — сказал Климов.

— Вы только что повторили основную ошибку старой Палаты, — возразила Ася. — Польза от чужой истории не пре-

вращает её в вашу собственность.

Климов вспыхнул.

— Вы просто боитесь конкуренции!

— Наоборот. Я хочу, чтобы у вас был законный способ работать. Но не согласна, чтобы простая кнопка «продолжить» означала вечное разрешение распоряжаться моей жизнью.

Он ушёл, громко хлопнув дверью. Через несколько минут вернулся и сел в конце зала. Ася заметила это и не стала торжествовать. Возможно, человек действительно хотел хорошего. Ему придётся научиться делать хорошее без скрытых условий.

К завершению заседания комиссия получила три конкурирующих проекта. Первый — централизованный реестр под контролем новой Палаты. Второй — свободный рынок отдельных лавок с минимальной отчётностью. Третий — независимые архивы и общие проверяемые правила, которые Ася помогала писать. Ни один проект не удовлетворял все стороны.

Карелина отказалась ставить их на голосование без открытого обсуждения недостатков.

— У нас нет права выбрать самый красивый заголовок вместо работающей системы, — сказала она. — Через неделю мы проведём разбор рисков и источников финансирования. Каждый автор проекта получит возможность ответить на замечания.

В зале раздались недовольные голоса. Людям хотелось за-

кончить спор сегодня. Карелина не уступила.

* * *

После заседания Ася вышла на площадь и обнаружила, что снег почти растаял. Тася стояла под фонарём с коробкой оставшихся веточек розмарина. Рядом Артём пытался уговорить её не нести коробку пешком через весь город.

— У меня есть велосипед, — сказал он.

— У тебя есть велосипед и два пакета с пирогами. Если ты повезёшь ещё розмарин, мы оба окажемся в больнице.

— Вот видишь, я даже не предлагал ехать вдвоём.

— Ты собирался.

Они спорили так весело, что Ася невольно улыбнулась. Тася и Артём за прошедший год стали жить вместе, но по-прежнему обсуждали множество мелких решений, которые другие пары считали бы слишком незначительными для разговора.

Даниил подошёл чуть позже, снял промокший шарф и спросил, не хочет ли Ася поужинать.

— Очень хочу.

— А потом?

— Потом не обсуждать проекты устава хотя бы час.

— Я готов подписать такое обязательство.

Они пошли по улице Медников, где витрины уже зажигали вечерний свет. Ася чувствовала усталость и странное облегчение. Сегодня никто не получил окончательной власти над чужими желаниями. Никто не обещал идеального ре-

зультата. И всё же люди впервые спорили не о том, кто станет новым хранителем, а о том, какие правила смогут проверить даже противники магии.

За столиком в кондитерской Артёма Даниил спросил:

— Ты не жалеешь, что принесла документ тёти? Теперь все будут спорить ещё дольше.

— Нет. Это лучше, чем однажды узнать, что мы согласились на красивую ловушку.

Он взял её руку.

— В таком случае ты не против ещё одного долгого обсуждения?

— Какого?

— О том, где мы проведём зимние праздники. Мила хочет пригласить нас к себе, Аглая обещала печь пирог, Тася считает, что у нас дома поместятся все. Я хотел бы услышать твоё мнение.

Ася засмеялась.

— Вот это действительно сложный договор.

Она предложила начать с того, чтобы каждый назвал свои желания и ограничения. Даниил сделал вид, что достаёт служебный бланк. Они оба рассмеялись, а за окном тёмное стекло отражало один настоящий город — не безошибочный, но способный слушать людей.

На другой стороне площади прозвенел медный колокольчик лавки. Тася оставила его приоткрытым для вечернего приёма, который проводила новая помощница. Ася впервые

не повернула назад проверить каждую деталь. Лавка продолжала работать без её личного присутствия.

Она не знала, какой из трёх проектов совет выберет в конце концов. Но уже знала, что вернётся на заседание не как единственная защитница правильного решения, а как одна из тех, кому придётся жить с его последствиями.

Глава 3. Без посредника

На следующее утро Ася обнаружила у дверей лавки женщину с плачущим младенцем и сложенной вчетверо картой города. Женщина стояла под козырьком уже около двадцати минут; на кончиках её шарфа таял снег. Её звали Мария Королёва. Она только недавно переехала в Сольвинск из посёлка на северном берегу, где закрылось единственное медицинское отделение. Муж работал в порту, знакомых в городе почти не было. Она попросила самое простое, что когда-либо слышала Ася:

— Сделайте так, чтобы ребёнок перестал плакать. Хотя бы на час.

Ася пригласила её внутрь, подвинула стул ближе к печке и предложила воду. Младенец кричал от усталости и холода; его мать дрожала сильнее, чем он. Несколько секунд Асе хотелось просто поставить цветной предмет на прилавок и показать женщине тихое будущее. Но даже честная возможность не заменяла заботы, если человеку прямо сейчас нужен врач или отдых.

— Я не заключу договор за ребёнка, — сказала Ася. — Но

могу помочь вам найти ближайшую дежурную медицинскую службу и место, где вы сможете согреться.

Мария расплакалась ещё сильнее.

— Я знала, что так скажете. Везде бумага, правила, очередь. Я больше не могу.

Ася села рядом и ничего не возразила. Позвала Тасю, у которой был контакт службы помощи молодым семьям; помогла Марии позвонить дежурному специалисту и дождалась, пока тот объяснит, куда обращаться. Не стала давать медицинских советов, в которых не разбиралась. Потом попросила разрешения приготовить чай.

Через полчаса в лавку пришла сотрудница семейного центра. Она знала Марию по заявлению о временной регистрации и предложила сопроводить её к врачу. Ребёнок к тому времени успокоился сам, ненадолго задремав на руках у матери.

— Так ведь получилось, — сказала Мария, глядя на спящего сына.

— Не из-за волшебства, — ответила Ася.

— Может, в том и дело.

Женщина ушла, а Ася долго смотрела на закрывшуюся дверь. Ещё год назад она считала бы себя обязанной найти магическое решение каждой беды. Теперь признала: не всякая просьба к лавке требует применения её силы. Иногда самый важный поступок — указать человеку, где есть настоящая помощь, и не притворяться незаменимой.

* * *

Однако днём пришёл другой посетитель, и этот случай оказался сложнее. Владелец рыбного ресторана Степан Носов принёс толстую папку договоров и попросил Асю проверить, можно ли спасти его дело от банкротства. Из-за ремонта портовой дороги клиентов стало меньше; арендодатель повысил ставку, а поставщики требовали предоплаты. У Носова работали двадцать человек, среди них его дочь и несколько выпускников кулинарного училища.

— В прежней Палате мне советовали зафиксировать успешный исход, — сказал он. — Вы ведь отменили ту систему. Но если не работает она, должно же работать хоть что-то!

Ася попросила сначала показать расчёты. Выяснилось, что ресторан не убыточен как дело, но платежи по кредиту приходятся на те же недели, когда в сезон падает выручка. Задача была финансовой и организационной. Витраж мог показать один из возможных путей, но не мог превратить долги в несуществующие деньги.

— У вас есть бухгалтер? — спросила она.

— Есть, но я хотел услышать не от него.

— Тогда, возможно, сначала стоит выслушать именно его. Носов обиделся.

— Я заплатил, чтобы получить чудо, а вы отправляете меня к сотруднику!

— Вы ещё ничего не заплатили. И не обязаны покупать

совет только потому, что пришли. Я могу предложить консультацию о вариантах, но не гарантию вашей прибыли. Решение о кредитах придётся принимать вам и тем, кому вы должны.

Он уже собирался уйти, когда Ася спросила:

— А ваша дочь знает, что вы собираетесь закрывать ресторан?

Носов вздрогнул.

— Она знает, что сложно.

— Знает ли, что вы всё решили за неё?

Мужчина замолчал. Потом сел снова. Рассказал, что дочь давно предлагала открыть небольшую пекарню при ресторане, чтобы зарабатывать по утрам, когда столики пустуют. Он отверг идею из страха показаться слабым руководителем.

Витраж показал не богатство, а кухню, где отец и дочь спорят над чертежом новой печи. Вторая картина была пустой: если один не согласится слушать, пути не возникнет.

— Значит, мне надо поговорить, — произнёс Носов.

— Может быть. А потом проверить цены, спрос, разрешения, условия банка. Возможность не делает расчёт за вас.

Он попросил записать консультацию и предложенную цену. Ушёл с копией документа и обещанием сначала поговорить с дочерью, а не с очередным магом.

После его ухода Барс перевернул пустую коробку, устроился внутри и замурлыкал, словно именно его советы пользовались сегодня наибольшим спросом.

* * *

К обеду Даниил принёс первый разбор проектов городского устава. В каждом нашлись слабые места. Центральная модель рисковала сосредоточить слишком много полномочий у одного учреждения. Полностью свободная модель не имела механизма защиты клиентов от недобросовестных мастеров. Распределённая система требовала больше денег и хорошего взаимодействия между архивами.

— Все несовершенны, — сказал Даниил, раскладывая бумаги на столе.

— И мы тоже.

— Тогда почему тебе трудно признать, что ты не должна лично исправлять каждую неточность?

Ася отложила карандаш.

— Потому что вижу, где ошибка. А если не исправлю сразу, кто-то может пострадать.

— Кто-то может пострадать и от того, что ты одна решишь, какой правильный выход. Помнишь Марию утром?

Она кивнула.

— Ты помогла ей, потому что не притворилась врачом. И не потому, что всех спасла сама. Ты позвала тех, кто разбирается. С городскими договорами то же самое.

Ася долго смотрела на него. Ей нравилось в Данииле, что он научился спорить не ради власти над решением. Они могли не соглашаться, не опасаясь, что следующий разговор станет наказанием.

— Я хочу отойти от группы, которая будет писать окончательный проект, — сказала она. — Остаться участницей обсуждения, представлять свою лавку и помогать проверять документы. Но не быть человеком, который единолично определит, как весь город должен обращаться с желаниями.

Он улыбнулся.

— Это не бегство?

— Нет. Я не исчезаю. Просто оставляю место другим.

* * *

На открытом заседании через два дня Ася объявила об этом сама. Несколько владельцев лавок отнеслись с облегчением; другие обвинили её в том, что она снимает с себя ответственность в момент, когда люди доверили ей реформу. Один журналист спросил, не означает ли это признание того, что распределённая система слишком опасна.

— Она сложна, — ответила Ася. — Именно поэтому её должны готовить специалисты и жители с разным опытом. Я отвечаю за свои предложения, за правдивость свидетельств и за работу моей лавки. Но не имею права решать за остальных только потому, что первой нашла ошибку.

Карелина предложила избрать рабочую группу по открытым правилам. Архивисты, мастера, юристы, финансисты и представители клиентов получили одинаковое право задавать вопросы. Ася вошла в группу только как одна из приглашённых, без исключительного голоса. Кирилл Воронцов не был допущен к принятию решений по собственным преж-

ним полномочиям, но получил право давать показания и отвечать на вопросы.

Ася почувствовала странную потерю, когда увидела, как сосед по столу правит предложенную ею формулировку. Она уже успела привыкнуть к тому, что её слова считаются последней защитой от ошибки. Теперь другой человек мог возразить — и оказаться прав.

В перерыве к ней подошла Марта, пожилая владелица небольшой ремонтной лавки на дальнем берегу. Она сказала:

— Я не согласна с вами насчёт трёх независимых подтверждений. В нашем квартале едва хватает денег содержать один архив. Если новый порядок будет рассчитан только на богатые районы, мы снова станем просить милости у центра.

Ася хотела объяснить, почему три копии надёжнее одной. Но остановилась.

— Что вы предлагаете?

— Общую службу проверки, оплачиваемую городом, с правом каждого района хранить оригинал там, где ему удобно. Тогда маленьким мастерским не придётся нанимать трёх бухгалтеров.

Ася записала предложение. Оно было лучше её первоначального варианта. Марта улыбнулась, увидев это.

— В первый раз мне кажется, что вы слушаете, — сказала она.

Ася приняла упрёк без оправданий. Она действительно слишком часто воспринимала чужую осторожность как

страх перед свободой, а не как знание обстоятельств.

* * *

Вечером она зашла к Аглае. Тётя пекла яблочный пирог и сердито спорила с духовкой, которая не хотела равномерно греть форму.

— Отказалась от великой власти? — спросила она, не оборачиваясь.

— От той, которой у меня никогда не должно было быть.

— И как ощущения?

— Будто у меня забрали важную часть работы. Хотя я сама её отдала.

Аглая кивнула.

— Когда я впервые оставила лавку без себя, тоже думала, что ничего не останется. Потом поняла: если дело может жить только вместе с хозяйкой, это не дело. Это зависимость.

Ася рассказала про Марию и Носова. Тётя слушала, не перебивая, а потом сказала:

— И вот ты наконец увидела два вида помощи. Иногда надо показать возможность, иногда — пропустить вперед того, кто знает лучше тебя.

Они ели пирог у окна. Внизу по лестнице поднимались двое школьников с футлярами музыкальных инструментов. От улицы пахло мокрой шерстью, морем и ранним снегом.

Ася спросила, не жалеет ли Аглая, что больше не управляет лавкой.

— Иногда жалею о свободном времени, — ответила та. —

Раньше мне казалось, что в каждую минуту я должна быть полезна. Теперь приходится выбирать, чему рада просто так. Не так легко, как выглядит.

Ася засмеялась.

— И что выбираешь?

— Завтра пойду на концерт Милы. А в воскресенье останусь дома и никому не буду открывать, кроме курьера с книгой.

Она вдруг посерьёзнела.

— Ты знаешь, почему мне не удалось закончить старую зелёную книгу?

— Потому что появилась Палата?

— Не только. Я хотела защитить каждую возможность сама. И когда поняла, что не могу, спряталась за дверь. Ты не должна повторять мой путь.

Ася посмотрела на тётю. Она вернулась в этот мир не в качестве идеального хранителя, а обычной стареющей женщины, которая училась не считать чужую жизнь своей ответственностью. Это было важнее любой легенды о её исчезновении.

* * *

На следующий день Носов пришёл вместе с дочерью. Её звали Вера, она была на несколько лет младше Аси и говорила прямо, не заботясь о том, обидятся ли взрослые. Она принесла расчёты нового завтрака при ресторане и спросила, действительно ли лавка может показать возможность, но

не гарантировать успех.

Ася объяснила правила. Вера выслушала и ответила:

— Значит, я хочу не чудо, а место, где мы с отцом сможем обсуждать план, не считая любое несогласие предательством.

Носов посмотрел на дочь с удивлением.

— Ты могла сказать это дома.

— Говорила. Ты отвечал, что я ничего не понимаю в бизнесе.

Они замолчали. Ася предложила им сесть у стола и поговорить без магического договора. Витраж остался тёмным — не потому, что перестал работать, а потому, что для первой встречи не требовалось показывать ещё один путь.

Через час Вера вышла на улицу, держа папку с цифрами. Отец шёл рядом и слушал, не перебивая. Никакой успешный ресторан не возник в тот день. Но впервые они вышли с одним планом действий и двумя разными подписями.

Ася закрыла дверь, повесила на крючок свой фартук и почувствовала, что устала меньше обычного. Она больше не пыталась сделать всю работу за каждого клиента.

Вечером Даниил пришёл без служебной папки и предложил погулять. Они поднялись на холм, откуда виднелись портовые огни. Внизу Сольвинск жил собственными заботами: кто-то готовил обед, кто-то возвращался из смены, кто-то спорил о месте для новой остановки. Этот город не ждал, пока Ася назначит ему правильное будущее.

— Тебе грустно? — спросил Даниил.

— Немного. Но не оттого, что не смогла стать главной. А оттого, сколько сил потратила, пытаясь всё делать одна.

Он обнял её за плечи.

— Тогда у нас есть хороший повод начать следующий год иначе.

Она остановилась.

— Как?

— Составить расписание отпусков. Для тебя, для меня, для Таси. И разрешить Барсу хотя бы иногда ночевать на чужом стуле.

Ася рассмеялась. Барс вряд ли согласился бы на такую реформу, но сама мысль об отпуске больше не казалась предательством лавки.

Внизу прозвенел медный колокольчик. Ася не поспешила проверить, кто вошёл. Она знала, что за прилавком сегодня дежурит обученная помощница, у которой есть правила, ключ и право позвонить, если потребуется совет. Этого было достаточно.

Глава 4. Мастерская света

Первый ученик Глеба Морозова разбил стекло через семь минут после начала занятия. Оно упало с края стола, ударилось о каменный пол и разлетелось на зелёные осколки. В мастерской наступила тишина. Мальчишка по имени Никита побелел, словно ему грозило не объяснение, а изгнание из профессии.

Глеб присел перед ним и посмотрел, нет ли порезов.
— Руки целы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.